V ПОТЕРПЕВШИЕ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 343.998

Жертва преступления: клеймо или стечение обстоятельств

Дарья Дмитриевна Битюцких[1], Егоров Олег Николаевич[2]
[1, 2]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
1dasha-bit@mail.ru
[2]yegorov@narod.ru, ORCID: 0000-0003-3747-5010

Аннотация. Определение и разграничение понятий «пострадавший», «потерпевший» и «жертва преступления» крайне важны, так как многие отрасли юриспруденции оперируют данными терминами, причём, как показывают авторы данной статьи, даже в, казалось бы, близкородственных уголовном и уголовно-процессуальном праве подходы несколько различны. В качестве примера авторы предлагают, в числе прочего, обратить внимание на имеющийся в научной литературе достаточно дискуссионный вопрос о том, могут ли в качестве потерпевшего выступать органы государственной власти и местного самоуправления. В статье представлены и соотнесены понятия «жертва преступления» и «потерпевший», при этом учтены как виктимологический, так и уголовно-процессуальный подходы. На этой основе авторы рискнули предложить собственное видение понятия «жертва преступления». Рассмотрен ряд общественно опасных деяний и проанализирована роль жертвы при совершении каждого из них. Особо сосредоточивают авторы статьи внимание на спорных вопросах семейно-бытового насилия, а также на некоторых виктимологических аспектах убийств, изнасилований и мошенничества. Авторами работы предложена типизация жертв преступлений.
Ключевые слова: виктимология, преступление, потерпевший, жертва преступления, семейно-бытовые насильственные преступления, изнасилование, мошенничество, убийство
Для цитирования: Битюцких Д. Д., Егоров О. Н. Жертва преступления: клеймо или стечение обстоятельств // Виктимология. 2021. Т. 8, № 3. С. 198–205.

© Битюцких Д. Д., Егоров О. Н.

Original article

Victim of Crime: Stigma or Concatenation of Circumstances

Daria D. Bityutskikh[1], Oleg N. Yegorov[2]
[1, 2]Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
[1]dasha-bit@mail.ru
[2]yegorov@narod.ru, ORCID: 0000-0003-3747-5010

Abstract. The definition and differentiation of the concepts of "affected person", "victim" and "victim of a crime" are extremely important, because many branches of jurisprudence operate with these terms, and, as the authors of this article show, even in seemingly closely related criminal and criminal procedure law approaches are somewhat different. As an example, the authors propose, among other things, to pay attention to the rather debatable question in the scientific literature about whether state authorities and local self-government bodies can act as victims. The article presents and correlates the concepts of "victim of a crime" and "victim", while taking into account both victimological and criminal procedural approaches. On this basis, the authors ventured to offer their own vision of the concept of "victim of a crime". A number of socially dangerous acts are considered and the role of the victim in the commission of each of them is analyzed. The authors of the article particularly focus on controversial issues of domestic violence, as well as on some victimological aspects of murder, rape and fraud. The typification of victims of crimes is proposed.

Keywords: victimology, crime, affected person, victim, victim of crime, domestic violent crimes, rape, fraud, murder
For citation: Bityutskikh D.D., Yegorov O.N. Victim of crime: stigma or concatenation of circumstances. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(3):198-205. (In Russ.)

Введение

Уголовное право и тесно взаимосвязанные с ним отрасли, имея в виду пострадавшее от преступления лицо(как физическое, так и юридическое), используют понятие «потерпевший». Так,согласно статье 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации»[1]. Стоит уточнить, что, несмотря на общность термина, случаи его употребления в уголовном и уголовно-процессуальном праве разнятся. Например, в уголовном праве потерпевший существует независимо от его признания таковым в процессуальном порядке; в уголовном праве потерпевший является признаком состава преступления, а в уголовном процессе — непосредственным участником судопроизводства со стороны обвинения и так далее [5, с. 18].

Вопрос о возможности признания потерпевшим юридического лица не вызывает споров в силу прямого законодательного закрепления такой возможности. Дискуссионным является вопрос о том, могут ли в качестве потерпевшего выступать органы государственной власти и местного самоуправления. Так, О. Н. Егоров и А. Е. Переверзева в работе «Потерпевший, потерпевшая сторона при преступлениях в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд» дают положительный ответ на данный вопрос. По мнению авторов, статью 42 УПК РФ необходимо дополнить следующим содержанием: «Органы государственной власти Российской Федерации,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4291.

органы государственной власти субъектов Российской Федерации и их территориальные управления, муниципальные органы могут быть признаны в качестве потерпевшей стороны по уголовному делу в том случае, если совершено преступление, направленное против государственной власти, интересов государственной или муниципальной службы, порядка управления, в том числе, совершенное в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Обязанность защиты интересов публично-правового образования возлагается на должностное лицо, уполномоченное быть представителем публично-правового образования или его органов в соответствии с федеральными законами, подзаконными нормативными правовыми актами и ведомственными актами» [2, с. 33–34].

В криминологии, а точнее в ее частном учении –виктимологии, принято использовать понятие «жертва преступления». В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, утвержденной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29.11.1985, под термином «жертвы» понимаются «лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью»[1]. В российском законодательстве рассматриваемый термин не употребляется. В этой связи в научных кругах ведутся активные дискуссии относительно определения понятия «жертва преступления» и его соотношения с понятием «потерпевший».

Так, К. В. Захарова утверждает, что понятия «потерпевший» и «жертва преступления» не тождественны, при этом автор разделяет области употребления данных терминов, заключая, что «потерпевший» — уголовно-процессуальное понятие, а «жертва преступления» — виктимологическое (к тому же более широкое) [4, с. 89–90].

Иного мнения придерживался русский юрист С. Л. Франк, употребляя названные термины как синонимичные [6, с. 10].

Конечно, существует ощутимая разница во времени обозначения указанных точек зрения и статусном положении авторов, однако это лишь некие ориентиры, находящие отголоски в работах различных авторов.

Интересную позицию занимает А. В. Залозный, рассматривая оба понятия в рамках виктимологии (без распространенного разделения на уголовно-процессуальную и виктимологическую сферы). Автор обозначает, что «в виктимологическом плане потерпевший — это непосредственная жертва преступления». При этом отмечается, что «жертва — это преимущественно физическое лицо, которому непосредственно причинен вред», а «потерпевшим от преступления может являться и юридическое лицо, но оно не обладает в полной мере качествами жертвы в виктимологии» [3, с. 202–203].

Проанализировав все вышеописанное и сделав самостоятельные умозаключения, можно попробовать дать следующее обобщённое определение понятию «жертва преступления»: это человек, который понес физический, имущественный или моральный вред от преступления независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим или нет.

Здесь также важно обратить внимание на виды вреда, которые могут быть причинены жертве преступления, а именно — физический, имущественный (причем в двух его формах: реальный ущерб и упущенная выгода) и моральный вред, что, в целом, является отдельным огромным полем для изучения.

Описание исследования

Ключевой момент в рамках данной работы — вопрос о том, как и почему люди становятся жертвами преступлений, является ли это случайным стечением обстоятельств, или же тот или иной человек имеет предрасположенность к становлению жертвой.

[1] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985) // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 01.05.2021).

Для изучения поставленного вопроса следует рассмотреть уголовно-наказуемые деяния и проанализировать роль жертвы при совершении данных преступлений. Безусловно, объять весь перечень преступных деяний не представляется возможным, поэтому исследованию будут подлежать лишь отдельные из них.

Изучая криминальную ситуацию как объект познания в процессе раскрытия преступления, С. И. Давыдов обозначил следующее: «поведение потерпевшего часто играет существенную роль в возникновении или реализации преступных замыслов, особенно по бытовым насильственным преступлениям, изнасилованиям, мошенничествам, а иногда и по умышленным убийствам» [1, с. 5]. Точка зрения указанного автора представляется нам весьма спорной и неоднозначной, вместе с тем он затрагивает довольно разноплановые уголовно-наказуемые деяния, поэтому при изучении поставленного выше вопроса и одновременном приходе к согласию или несогласию с позицией С. И. Давыдова изучение роли жертвы будет рассмотрено на примере отмеченных данным автором преступлений.

Семейно-бытовые насильственные преступления — обобщенная группа противоправных деяний, связанных с применением насилия одним членом семьи в отношении другого. Чаще всего речь идет об абьюзивных отношениях между супругами, при этом, как правило, насилие совершается мужчиной в отношении женщины. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) под указанную категорию преступлений подпадают следующие деяния: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ)[1] и ряд других.

Насильственные преступления в семейно-бытовой сфере, к сожалению, весьма распространенный людской порок: их регистрация в полицейской сводке происходит практически ежедневно. Вместе с тем велик уровень латентности данной категории преступлений: в силу близких, родственных взаимоотношений, страха за свою судьбу, сформированного стокгольмского синдрома и ряду иных причин жертвы подобных преступлений зачастую умалчивают о происходящем (даже в случае неоднократности противоправных действий).

Для одних людей дом — это место, создающее уют, комфорт и позволяющее абстрагироваться от внешних нагнетающих обстоятельств; для других — люди, на которых можно выплеснуть накопившуюся негативную энергию. Вторая категория лиц, не справляясь с объемом навалившихся жизненных трудностей, имея такие черты характера, как агрессивность, вспыльчивость, злоупотребляя спиртными напитками, выступающими своего рода катализатором, становятся настоящими домашними тиранами, совершающими насильственные преступления против членов своей семьи, причем, как правило, неоднократно.

Можно ли винить жертв «домашнего тиранизма» в том, что с ними происходит?

Безусловно, отношения между членами семьи, в частности, между супругами, носят двусторонний характер. И муж, и жена должны вкладывать совместные усилия, чтобы домашняя обстановка носила действительно домашний характер. Если мужчина, возвращаясь домой после тяжелого рабочего дня, раз за разом сталкивается с бессмысленными упреками со стороны своей супруги либо иной давящей ситуацией, то однажды это выльется, в лучшем случае, в бытовой конфликт, в худшем — в уголовную ответственность за деяния, предусмотренные вышеперечисленными статьями УК РФ. Конечно, скверный характер члена семьи не является поводом для совершения в отношении него преступного деяния, однако выступает неким побудительным толчком для будущего преступника.

Печальнее разворачивается ситуация, когда женщина всячески пытается угодить мужчине, совершенно перестает считаться с собственными интересами, но все равно становится жертвой домашнего насилия. Без поводов, без «толчков». Только лишь в силу сложившихся в семье взаимоотношений и личности супруга-преступника.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Жертвы домашнего насилия могут быть разными: от «провокаторов» до «услужливых тихонь». Причина совершения бытового преступления может крыться как в сложившейся семейной обстановке, так и в чем-то ином, не связанном с поведением супруга-жертвы и микроклиматом семьи. В любом случае, оправдывать домашнего тирана, раз за разом совершающего насильственные действия по отношению к домочадцам, или даже человека, единожды поднявшего руку на члена своей семьи, — бессмысленно. Нельзя перекладывать ответственность на жертву, если другой человек (преступник) не в состоянии сдерживать свои эмоции или, тем более, получает удовольствие от неоднократных применений своей физической силы.

В конце 2019 года Советом Федерации Российской Федерации был представлен на общественное обсуждение проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Для целей указанного Закона под семейно-бытовым насилием понимается «умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления». Названный акт направлен на регулирование отношений, возникающих в сфере профилактики семейно-бытового насилия в Российской Федерации, в том числе устанавливает правовые основы профилактики семейно-бытового насилия, полномочия субъектов профилактики семейно-бытового насилия, формы профилактического воздействия, среди которых выделяются: правовое просвещение и правовое информирование; профилактическая беседа; профилактический учет; профилактический контроль; помощь в социальной адаптации лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию; социальная реабилитация лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию; специализированные психологические программы; защитное предписание; судебное защитное предписание[1].

Стагнация рассматриваемого нормативно-правового акта — его «затянутое» существование в статусе законопроекта — говорит о наличии несовершенств в содержании. Противники законопроекта указывают на нарушение конституционных прав граждан (например, права на жилище), юридическую несостоятельность и нарушение законов логики (ключевое понятие, «семейно-бытового насилие», фактически определяется как умышленное преступление, не содержащее признаков преступления), правовую неопределенность (определение семейно-бытового насилия, приводимое в статье 2 документа, позволяет объявить таковым практически любое действие любого лица, не являющееся преступлением и правонарушением, поскольку в нем используются понятия, не имеющие однозначного понимания в юридической науке и позволяющие крайне широкую интерпретацию), появление новых возможностей для коррупции (например, широкие дискреционные полномочия должностных лиц), грубое вторжение в жизнь семьи и так далее[2].

Безусловно, нашей стране необходим законодательный акт, направленный на защиту жертв домашнего насилия. Для его успешного «водворения» требуется, во-первых, донести в широкие массы целесообразность и важность такого закона, потому что без общественной поддержки эффективность будет сводиться к минимуму, а во-вторых, учесть опыт предыдущих законопроектов, обязательно — обоснованные высказывания критиков и, опять же, мнение общественности.

Изнасилование (ст. 131 УК РФ) представляет собой половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Женщин, ставших жертвами изнасилования, зачастую обвиняют в том, что с ними произошло, ссылаясь на чересчур

[1] Законодателями предложен комплекс мер по защите прав лиц, подвергающихся семейно-бытовому насилию // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html/ (дата обращения: 29.06.2021).

[2] О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации : законопроект // Википедия : Свободная энциклопедия. URL: https://clck.ru/PUg8k (дата обращения: 29.06.2021).

откровенную одежду, состояние алкогольного опьянения, нахождение на улице в позднее время суток и тому подобное. Такие обвинения в сторону женщин высказываются как на бытовом уровне, так и в научных кругах (например, отмеченная выше позиция С. И. Давыдова). В рамках данной статьи и в целом, в жизни,предлагаем придерживаться диаметрально противоположной, но весьма справедливой мысли, высказанной С. П. Щербой: «нравственные недостатки в поведении потерпевшей не являются поводом для совершения в отношении нее преступного деяния; доведение потерпевшей себя до состояния опьянения не может рассматриваться как санкция на попрание ее неприкосновенности и личного достоинства; согласие женщины на распитие алкогольных напитков с мужчиной в обстановке, благоприятствующей физическому сближению, не может расцениваться как ее желание быть изнасилованной» [7, с. 474]. Иными словами, жертвы изнасилований не виноваты в том, что с ними произошло. Их внешний вид, поведение и состояние не могут служить оправданием для мужчин, не способных контролировать свои сексуальные желания.

В последние годы мошенничество (ст. 159 УК РФ) стало одним самых распространенных преступлений. «Благоприятной» почвой для столь широкого охвата является все возрастающая компьютеризация, которая облегчает процесс совершения рассматриваемого противоправного деяния и существенно затрудняет выявление и установление лиц, совершивших хищение чужого имущества.

Жертвами мошенничества могут стать люди разного пола и возраста. Ключевым фактором выступает их излишняя наивность и доверчивость. Хотя не стоит исключать и скептически настроенных лиц, которые в силу совершения мошенничества в непривычных для них обстоятельствах или особой ухищренности преступника тоже становятся жертвами подобного рода деяний. Но они скорее являются исключением из правила и «попадаются на удочку» мошенников обычно лишь раз. Первая же категория граждан, бывает, неоднократно передает свое имущество в руки преступников из-за присутствующего простодушия и непосредственности.

Говоря о второй категории граждан, стоит вспомнить недавно произошедшее событие, в котором от рассматриваемого вида преступления потерпело, казалось бы, весьма скептически настроенное и юридически подкованное лицо. Так, в марте 2021 года в Санкт-Петербурге генерал МВД стал жертвой телефонных мошенников. Злоумышленники списали с его счетов 613 тысяч рублей. «Неизвестные позвонили генералу от имени службы безопасности банка и предложили перевести его средства на безопасный счет. Тот согласился и продиктовал им пин-коды. После того как средства были списаны, пособник мошенников — выходец из Украины Андрей Пейтер — обналичил их в банкомате. Спустя неделю после инцидента мужчину задержали. По словам его адвоката Алексея Соколова, свою вину он признал, раскаялся в содеянном и выразил готовность возместить ущерб»[1].

Анализируя жертв мошенничества, можно все же отметить определенное «клеймение» большинства из них. В данном случае стоит провести некую аналогию с известным законом экономики: «спрос рождает предложение». Желание людей обогатиться простым и быстрым способом зачастую ввязывает их в мошеннические авантюры, что, как следствие, дает обратный эффект — приводит к потере имущества. Безусловно, названная особенность жертв данных деяний не оправдывает преступников, однако в каком-то смысле возлагает на них (жертв) ответственность за произошедшее.

Убийство (ст. 105 УК РФ) может быть совершено как в силу сложившихся неприязненных отношений между преступником и жертвой (убийство знакомого лица по той или иной причине), так и в отношении к совершенно незнакомого человека. Поэтому говорить о «клеймении» жертвы убийства довольно сложно. Однако особое внимание

[1] Телефонные мошенники украли у генерала МВД более полумиллиона рублей // Рамблер : [интернет-портал]. URL: https://news.rambler.ru/incidents/45991182-telefonnye-moshenniki-ukrali-ugenerala-mvd-bolee-polumilliona-rubley/ (дата обращения: 20.06.2021).

стоит уделить убийству, совершенному в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ).

Аффект представляет собой состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего[1].

Статья 107 УК РФ весьма красноречиво и однозначно отражает «виновность» жертвы преступления в совершенном в отношении нее деянии (безусловно, не снимая ответственности с преступника). Проявляется это не только в самой формулировке диспозиции указанной статьи, но и в ощутимом разбеге между назначаемым наказанием за«простое» убийство и за убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Заключение

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что нашему рассмотрению подлежала лишь малая часть из огромного массива противоправных деяний. Однако исследовались довольно разноплановые преступления, в связи с чем имеются основания для формулировки определенных выводов.

Преступления — неискоренимое общественное явление. Совершение большинства преступлений порождает появление жертв. Жертва преступления может быть как случайной, так и «клейменной». В этой связи можно выделить три типа жертв: случайные (например, чаще всего такими бывают жертвы изнасилования); ставшие жертвами в силу особенностей своего характера (например, типичная жертва мошенничества); ставшие жертвами по причине провокационного воздействия на преступника (например, жертва убийства, совершенного в состоянии аффекта). Представляется (впрочем, это требует отдельного анализа), что наиболее распространенным является первый тип. Поведение жертвы любого из названных типов не оправдывает преступника в совершенном им деянии, однако, по нашему убеждению, должно играть свою роль при назначении наказания преступнику и представляет большой интерес в рамках виктимологических исследований.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации.

Список источников

1. Давыдов С. И. Криминальная ситуация как объект познания в процессе раскрытия преступления // Научный вестник омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). С. 3–7.

2. Егоров О. Н., Переверзева А. Е. Потерпевший, потерпевшая сторона при преступлениях в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Виктимология. 2019. № 4 (22). С. 28–35.

3. Залозный А. В. О соотношении категорий «потерпевший от преступления» и «жертва» в виктимологии // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права : межвузовский сборник научных трудов. Под общ. ред. А. Г. Безверхова. Самара, 2012. С. 202–204.

4. Захарова К. В. Соотношение понятий «жертва преступления» и «потерпевший от преступления» // Образовательная система: вопросы продуктивного взаимодействия наук в рамках технического прогресса : сборник научных трудов. Казань, 2019. С. 88–90.

5. Сабитов Р. А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 17–26.

6. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977. 237 с.

7. Щерба С. П. Уголовное судопроизводство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 772 с.

References

1. Davydov S.I. Criminal situation as an object of knowledge in the process of solving a crime. *Nauchnyj vestnik omskoj akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2013;(4):3-7. (in Russ.)

2. Yegorov O.N., Pereverzeva A.E. Victim, injured party in crimes in the field of procurement for state and municipal needs. *Viktimologiya* [Victimology]. 2019;6(4):28-35. (in Russ.)

3. Zalozny A.V. On the relationship between the categories of «victim of a crime» and "victim" in victimology. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovno-ispolnitel'nogo prava*. [Actual problems of criminal law, criminology, penal law]. Interuniversity collection of scientific papers. Bezverkhov A.G. (ed). Samara; 2012. P. 202-204. (in Russ.)

4. Zakharova K.V. Correlation of the concepts of "victim of a crime" and "victim of a crime". *Obrazovatel'naya sistema: voprosy produktivnogo vzaimodejstviya nauk v ramkah tekhnicheskogo progressa*. [Educational system: issues of productive interaction of sciences within the framework of technical progress]. Collection of scientific papers. Kazan; 2019. P. 88-90. (in Russ.)

5. Sabitov R.A. Correlation of the concepts "victim of a crime", "victim of a crime" and "victim of a crime". *Viktimologiya* [Victimology]. 2014;(1):17-26. (in Russ.)

6. Frank L. *In the Victims of Crime and the Problems of Soviet Victimology*. Publishing House: Irfon. Dushanbe; 1977. (in Russ.)

7. Shcherba S.P. *Criminal proceedings in cases of persons suffering from physical or mental disabilities*. Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press". St. Petersburg; 2008. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Битюцких Дарья Дмитриевна, студент 4 курса, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129; dasha-bit@mail.ru

Егоров Олег Николаевич, юрист, кандидат медицинских наук, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129; yegorov@narod.ru, https://orcid.org/0000-0003-3747-5010

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daria D. Bityutskikh, 4th year student of the Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh, Chelyabinsk 454001, Russia; dasha-bit@mail.ru

Oleg N. Yegorov, Lawyer, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Organization of Law Enforcement Activities, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh, Chelyabinsk 454001, Russia; yegorov@narod.ru, https://orcid.org/0000-0003-3747-5010

Дата поступления статьи / Received: 08.07.2021.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.09.2021.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 21.09.2021.